

Был Лев Николаевич Толстой связан со Страховым, тот считал себя единомышленником Достоевского, но Страхов передавал Толстому о Достоевском сплетни, которые нельзя было ни проверить, ни опровергнуть. Лев Николаевич назвал Страхова дряхлым деревом, на которое нельзя опереться. Он говорил Страхову: Достоевского читаете вы, читаю я, читает весь мир, и это оттого, что чем глубже писатель черпает из себя, тем говорит правднее. Те, кто противопоставляет Толстого Достоевскому, считая одним своим, а другого — чужим, те ошибаются. Это писатели, созданные одним народом. Оба они по-разному принадлежат нашему времени.

Их сопоставляли и Михайловский, и Леонтьев, и Мережковский, и многие другие и часто ошибались.

Что же такое Достоевский?

Конечно, на этот вопрос я не отвечу, и никто не ответит, и в этот юбилей, и во многие юбилеи. Счет этот не нами будет подведен.

Маркс говорил, что нетрудно объяснить расцвет древнегреческого искусства, труднее понять, почему оно сохраняет значительные нормы и образца, которые живут века. Маркс каждый год перечитывал любимых авторов — Эсхила, Софокла, Шекспира, Сервантеса — чтобы не потерять живую духовную связь с великим искусством.

Достоевского мы внимательно читаем и должны внимательно перечитывать.

Он был петрашевец, то есть социалист-утопист, идеалист. Фурье полагал, что он уже знает точные способы, как сделать человека счастливым. Для этого он изучал человеческие страсти и думал о том, как сделать их законными, восстановить в своих правах. И тем самым уничтожить дигармонию мира, разорванность человека.

У Фурье и фурьеристов Достоевский учился анализу человеческих страстей. Надо было брать не человека вообще, а человека, заданного несправедливым строем, и восстанавливать его. Идея восстановления — главная у Достоевского. Она пришла к нему от социалистов и стала идеей восстановления народа.

Четыре года каторги, а это были ужасные годы, не убили в нем веры в то, что ссыльные солдаты, которых считали зачинщиками военных бунтов, должны его понять. Они его не понимали, но он продолжал видеть в них людей, которым он нужен и которые ему нужны. Они были другие, и они были друзьями. Всем надо было восстанавливаться.

Гениальным и могучим назвал Достоевский роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». Он выделил основную мысль романа — восстановление погибшего человека, несправедливо заданного гнетом социальных обстоятельств, застоем веков и общественных предрассудков.

Книгу Гюго Достоевский прочел еще в молодости, но и после каторги писал, что Квазимодо — это олицетворение француз-

ского народа, угнетенного и презираемого, но в нем просыпается жажда справедливости и сознание своей правды и своих непочатых сил.

Жизненный опыт встряхнул старый роман, повернул его к современности.

Что приближает Достоевского к нам? Я сейчас выскажу то, что еще нигде не публиковал, но в чем убежден.

Мы говорим «друг», «другой». Что это значит? «Другой» — значит второй. У Достоевского было свое представление о реальном мире, и он одновременно почти ощущал другой мир, который должен быть, должен прийти. Он его предвидел. И о нужности его много думал и писал.

И вновь распять мессию. Писатель осознавал коллизию между идеалом и реальностью, между истиной и тем, что его окружало. Он понимал чудовищность Победоносцева, его нечеловечность и тем самым краткость. Но путь изменения общества, который предлагал Достоевский, споря с социалистами и не во всем соглашаясь с Победоносцевым, путь совершенствования человека был утопичен и ошибочен.

Достоевский часто употребляет слово «вдруг». Об этом я говорил на Международном симпозиуме в Риме, кажется, меня поняли.

Я говорил, что у Достоевского мир двойственен. Он реален, он существует, но он

вдруг — так кажется цыганам. Он из другого мира, он стал убийцей, он сам себе выносит приговор, и это происходит внезапно. После Достоевского надо внимательно перечитывать Пушкина.

И не только Пушкина.

Достоевский со многими спорил. Спорил с Белинским, Чернышевским, Толстым, читая «Войну и мир» и «Анну Каренину», с Салтыковым-Щедриным.

В романе «Что делать?» Чернышевский показывает людей новой нравственности. Они воодушевлены мечтой о будущем, хотят создать новое общество, живут ради него и легко разрешают трудности повседневного быта. Их не понять людям старого мира.

Достоевский же не мог принять их идеала будущего, потому что оно было для них решено во всех подробностях и лишено проблем. Достоевский не понимал, как человек может жить в том дворце из чугуна и стекла, который описан в одном из снов Веры Павловны.

Писатель отвергал теорию «разумного эгоизма» и доказывал Чернышевскому, что человеку не нужна одна только выгода и что жить разумно еще не значит жить нравственно.

Достоевский, и я уже об этом писал, понимал неустроенность мира Толстого, но считал, что это неустроенность барина.

То, что Достоевский стал главным автором современности, не означает, что мир гибнет, а означает, что мир учится видеть «вдругое». У Достоевского оно предстает картиной счастья, которую он видел в музее на одном полотне.

Сейчас мир видит иные картины, но перечитывает Достоевского, чтобы лучше понять прошлое и путь в настоящее и будущее.

ПИСАТЕЛЬ родился 160 лет назад. Это небольшое время для истории. В столетии, как принято считать, проходят три поколения. Нас отделяют от Достоевского поколений пять или шесть. Но мир очень изменился. И мы видим: Достоевский не был революционным писателем, но был писателем предреволюционным, он боялся революции, не понимал и не принимал ее, но предощущал и предчувствовал.

Мне без двух лет девяносто, не знаю, сколько времени у меня осталось, а хочется написать книгу о Достоевском и по-новому сказать в ней о том, что он рожден мировыми сдвигами основ материков, основ человеческого понимания нравственности.

Мы должны найти истинное «вдругое», воспитать того человека — друга, которого искал Достоевский. Искал, сравнивая себя и петрашевцев с Дон Кихотом, говоря, что осужденные на эшафоте ни в чем не раскаялись и что он стоял тогда среди лучших людей страны. По словам писателя, книги, подобные «Дон Кихоту», появляются раз в сорок лет. Романам Достоевского предостой такая же долгая жизнь. Время их обновляет, потому что обновляется человечество.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

ВСЕ В НЕМ — ВДРУГ

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В последние годы он записывал мечту какого-то человека, который перед смертью испугался, не поняв того, что вокруг происходит, а потом вдруг увидел будущее.

В то же время мы не должны думать, что Достоевский в последние годы жизни был благонамеренным христианином.

Христиане верят в единый мир, спасенный подвигом богочеловека. В божественность Христа Достоевский не верил. Смешной человек («Сон смешного человека») портит мир — Звезду золотого века, на которую он перенесся во сне — портит идеальный мир тем, что учит людей собственничеству и подчинению, учит их, что Истина достигается лишь мучением. Но, развратив людей, он плачет, отчаивается, презирает и проклинает себя. Он просит, чтобы его распяли, хотя он по сути антихрист, и учит людей, как сделать крест.

— Это все чуждо христианству. Как и легенда о Великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых».

В 1854 году Достоевский писал Фонвизной: «Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных».

Чтобы понять, кто такой Великий инквизитор, почему он появился у Достоевского, надо вспомнить, что в последний период жизни писатель сблизился с Победоносцевым. Обер-прокурор Святейшего синода, крайний реакционер, которого в поэме «Возмездие» проклинал потом Блок («Победоносцев над Россией простер совиные крыла»), по мнению Достоевского, был человеком, способным арес-

существует сложно. Однако есть и другой — «вдругой», неожиданный, будущий мир, который непременно наступит. Во имя этого будущего, если и не от его имени, отрицал Достоевский настоящее.

В хорошей ленте Льва Кулиджанова «Преступление и наказание» Раскольников боится следователя. Этот испуг показан даже вылетом черных птиц из-под арок моста. Следователь Порфирий Петрович (блестательная роль Иннокентия Смоктуновского) заигрывает с Раскольниковым, который тут кажется второстепенным, жалким. Убийца, конечно, жалок, но виноват он не только в том, что убил, а и в том, что должен был совершить нечто «вдругое» — может быть, стать революционером, политическим борцом, «государственным преступником».

Разумихин иногда думал, что его друг Раскольников — политический преступник. Он ошибался: «вдругое» Раскольника не было неверное. Этот терроризм в тогдашних условиях. Он ничего не решал, и не решает, и отодвигает решение.

Лев Толстой многое не принимал у Достоевского, не понимал его, хотя ни разу не говорил с ним, а однажды они оказались в одной комнате и могли познакомиться. Толстой подметил, что у Достоевского все происходит неожиданно, вдруг. Так, если человек встретится с тигром, то что он сделает? Конечно, убежит. А у Достоевского убежит тигр.

Вдруг у Достоевского — указание на невозможное, еще не существующее.

Пушкинский Алеко, которым Достоевский очень интересовался, образ реалистический. Алеко — человек преждвременный. Пушкин дает его раскаяние: «И с камня на траву свалился». Он падает в траву, как в море, в котором тонет. Падает

МОСКОВСКИЙ КОМПЮТЕР
г. МОСКВА

23 ОКТ 1981